

ПРАВДА И ННЫ ЧУРИКОВОЙ

КАК бы это ни называть: высокопарно — магией, или более строго — талантом, суть остается одна. Она — в той притягательной силе, в той захватывающей убедительности, в той емкости и масштабности чувств, с какими приходит к зрителям актриса Инна Чурикова.

Как бы ни подсчитывать: всего по три крупные роли в кино и театре, несколько работ на телевидении и в фильмах, пока не увидевших света (что и говорить, немало за два десятилетия после начала работы в кино). — Суть также остается одна. Она — в том звонком слове, которое напоминает о протянутых для автографа фотографиях, об аллодисментах при первом появлении на сцене, интересе к любой следующей работе на сцене или на экране: «звезда». Хотя, надо сказать, актрисе совсем не свойственна ни нарядная эффектность «звезд», какими они впервые появились перед публикой на заре кинематографа, ни упоение внешними проявлениями популярности. Больше того, все те творческие и человеческие качества, какие определяют личность этой актрисы, предельно далеки от светности, поверхностности. И если в чем-то ей и свойственна чрезмерность, то в той самоотреченной строгости, с какой она живет на сцене, вырастает в характер каждой своей героини или размышляет о жизни.

Некоторое представление о Чуриковой — актрисе, человеке, — можно дать, пользуясь привычными словами, но каждое из этих немногих

ГАСТРОЛИ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

слов требует обязательных пояснений.

Цельность Чуриковой. На банальный вопрос о том, как стать актрисой, она отвечает просто: «Надо мечтать и думать все время об одном. И тогда получится». И поясняет любимым своим примером — Жанной д'Арк, которая для нее не только персонаж знаменитого фильма «Начало» где фабричная девчонка Паша Строганова сыграла ее роль, и не только несостоявшаяся мечта о роли в другом фильме, к которому актриса готовилась несколько лет. Жанна для нее понятная, близкая девушка, факт ее. Чуриковой, биографии. И она отсылает к опыту исторической Жанны, полной народ на спасение Франции: «У Жанны — получилось. Она знала, чего хочет, и просто шла к своей цели».

В этой кажущейся бесхитростности — знать, чего хочешь, и идти к своей цели, — сложность жизненной позиции, тающей в себе драму верности избранному пути. Мы сказали, что за плечами Чуриковой не так уж много ролей. Но могло ли их быть больше, если «Начало», как она сама говорит, стало для нее такой высокой точкой отсчета, дало такую творческую радость проникновения в характер двух героинь, жизни в их образах, что соглашаться на меньшее в других фильмах стало для нее невозможно.

Естественность Чуриковой. Это не только особенность ее общения. Это ее коренное творческое качество. Если

она живет — не «в образе», как говорят иногда, а образом живет, новым, часто страдающим человеком, проживая все его муки и радости, — для нее не существует проблем «технологии», не существует вопроса о том, как сыграть на сцене или перед камерой то или иное душевное состояние или даже возраст. Ее последняя по времени работа в кино — немолодая буфетчица из далекого сибирского поселка Чулимска в фильме «Валентина». Грим или иные приметы возраста героини отсутствуют: «Я ощущала ее возраст, а отсюда как-то само возникло его внешнее выражение». Надо думать, не будет для Чуриковой проблем такого рода и в роли шекспировской виндзорской кумушки, миссис Пейдж, которую она репетирует в новом спектакле.

Актриса естественна даже в таких сценических ситуациях, когда меньше всего, казалось бы, можно применить это определение. Скажем, ее Сарра в спектакле «Иванов». Пластика ее странна своей почти балетной грацией, в ней есть что-то птичье — тревожные, одающие взмахи рук, настоженный взгляд вбок. Трепещущая, лишенная покоя, она все же не кажется просто больной и оттого неспокойной. Ее постоянное движение — это не только чашоточная лихорадка, в этом — личность. Истинно чеховская героиня, она реагирует на жест, на звук, на не ей предназначенный взгляд, а не только на пря-

мое обращение. Душа обнажена, а такую ранить легче. Это сейчас актриса испытывает радость, творя жизнь своей героини на каждом спектакле. А в период репетиций, когда она начинала жить жизнью этой женщины, самой актрисе снились кошмары. Трепетание обнаженной души, сквозящее в ее не привычной пластике, — это естественное качество ее физического существования в такой роли.

Естественность для Чуриковой — качество важное и в житейском плане. Скажем, наличие или отсутствие ее определяет для актрисы понятие женственности. Но вот парадокс: ценя в женщине «естественность и доброту в глазах», Чурикова сейчас мечтает о роли, которую, вероятно, через некоторое время сможет сыграть в театре: об ибсеновской Гедде Габлер. Томление бесполезной силы, губящей других и самое себя (такова Гедда у автора), — готовится сыграть актриса, трогательная способностью ее героинь к самоотверженной любви, к безоглядной преданности. Но ведь Чурикова не так давно сыграла в театре необычную Офелию. Эта шекспировская девушка стала интересна актрисе только тогда, когда она ощутила в той неожиданное властолюбие, заставлявшее эту верную дочь царедворца Полония любить не просто человека, но принца Гамлета, который мог со временем сделать ее королевой. Это тоже неожиданный психологический ход актрисы. Логи-

чен он только в одном: Чуриковой в искусстве — играет ли она сама, смотрит ли, читает ли чьи-то произведения — важнее всего живой человек.

Живой человек. Для Чуриковой это и героиня, чью роль она сейчас репетирует в новом спектакле по пьесе Л. Петрушевской «Три девушки в голубом» — женщина, обделенная счастьем, заматанная повседневно, некрасивая и даже в чем-то неприятная, в которой не очень-то хочется увидеть возможное отражение собственного внутреннего мира. Для нее это и три воплощения женщины в спектакле «Тиль»: удивленно-покорная или весело-ожесточенная Неле, басовитая, тяжело-кокетливая Беткин, воинственно рубящая реплики, гордая и вдруг женственно смягчающая Анна... Для нее это и А. Ахматова, чьи стихи, на первый взгляд гармонично-спокойные, Чурикова читает с глубокой и мощной страстью.

Чурикова о своей жизни в театре или кино могла бы сказать словами ее любимой Ахматовой: «По мне, в стихах все быть должно нектати». Ей ненавистен стереотип — и в привычной для многих актеров ситуации «творческой встречи» с публикой она оказывается серьезной, взволнованной, исто-во отдавая (вроде бы «нектати») сотням незнакомых людей свои выношенные, искренние мысли.

Вот так же «нектати», среди быта и повседневных забот, в ситуациях то трагических, то забавных, на крайних точках огромного

диапазона чувств живут ее героини из фильмов «В огне брода нет», «Начало», «Прошу слова» и еще не выпущенного на экран «Тема». И каждый раз поражает в них все сметающая на своем пути истовость, высокая цельность ее героинь, сочетание мучительного драматизма и юмора, которое так остро чувствует и передает актриса.

О работе с такой актрисой — готовно воспринимать художественные идеи, собранной и сосредоточенной в моменты творчества, истинной в каждом своем проявлении, — могут только мечтать режиссеры. Однако, пока на сотрудничество с ней решаются только двое — Г. Панфилов, открывший ее в кино, и М. Захаров, пригласивший ее в театр. Слишком уж высокого напряжения ее талант, сложно, видимо, существовать в таком «магнитном поле».

А для Чуриковой все это, странное, жестокое, необычное, нектати вмешивающееся в накатанную удобную жизнь, — все, что составляет суть ее немногих сыгранных героинь, — это необходимая, ничем не заменимая правда. Та, с которой она идет к людям, та, ради которой живет — в искусстве и вне его. Как о самой собой разумеющемся она говорит: «В искусстве потрясти можно только правдой. Уровнем правды». Она делает именно это.

Т. ЗЛОТНИКОВА.
Кандидат искусствоведения.